

Ляшко С.Н., Папанова В.А. 2008. Полуземлянка редкой конструкции ольвийской усадьбы // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. Одесса.

Малюкевич А.Е. 1990. Отчёт о раскопках поселения Молога-II в Белгород-Днестровском районе Одесской области в 1990 г. // Архив ОАМ.

Малюкевич А.Е. 1999. Охранные исследования моложской экспедиции в 1998 г. // Охрана и исследование памятников археологии в Одесской области. Одесса.

Малюкевич А.Е. 1999. Полуземлянки поселения Молога-II // КСОАО. Одесса.

Сергеенко М.Е. 2000. Жизнь древнего Рима. СПб.

Синицини М.С. 1959. Поселения в с. Варварівка за розкопками 1938 р. // Пр. ОДУ. Т. 149. Серія іст. наук. Вип. 7. №1.

Славин Л.М. 1940. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Вып. 1. К.

Шульц П.Н. 1940. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК. Вып. 5. М.

Эллинистическо-римская культура. 1914. Спб.

Ю.Б. Потапова, Р.В. Прокофьев

ДВА ИДЕНТИЧНЫХ САЛТОВО-МАЯЦКИХ КОМПЛЕКСА ИЗ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Весной 2006 года на Нижнем Дону были случайно обнаружены два небольших средневековых комплекса салтово-маяцкой культуры. Предметы были найдены местными жителями при проведении земляных работ и переданы археологам. Места находок достаточно удалены друг от друга — порядка 40 км по прямой (рис. 1), при этом комплексы оказались абсолютно идентичны по составу. Каждый включал в себя гончарный кувшин-ойнохою и плоское пряслице.

Первый комплекс был обнаружен при заборе грунта на берегу реки Аюта. По словам находчика, предметы залежали совместно, на одном участке берегового обрыва. С ними еще была найдена некая «глиняная плоска черного цвета», которая по причине плохого качества разломалась в руках, а фрагменты были выброшены.

Место находки располагалось в 11 км к северу от г. Новочеркаска, в обрыве правого берега искусственной протоки реки Аюта. Эта протока связана со строительством дамбы расположенного немногим севернее пруда. Местность сильно повреждена современной беспорядочной хозяйственной деятельностью человека. Наблюдаются участки свалки строительного мусора (кирпич, бетонные блоки стен и т.п.) и свежих отвалов грунта, которыми укреплялась дамба. Берега реки и протоки довольно высокие (около 3-4 м), обрывистые, поросли травянистой степной растительностью, местами — отдельными деревьями и кустарниками, у воды — густым камышом. Береговой обрыв протоки составляет мощный слой темно-серого гумусированного суглинка. В 0,5 м от современной поверхности в этом слое прослежена горизонтально лежащая, протяженная (порядка 1,5 м) линза желтовато-светло-коричневого суглинка мощностью до 0,2 м, которая может являться матери-

ковым выбросом из расположенного где-то поблизости погребения. Судя по наличию отчетливо сохранившегося выброса, это погребение не могло быть простым грунтовым, а являлось подкурганым. Однако детальный осмотр дневной поверхности и, что особенно важно, обрывов обоих берегов реки и протоки не показал наличия здесь курганной насыпи или хотя бы ее остатков.

С одной стороны, можно предположить, что земляная насыпь кургана и все содержащиеся в нем погребения были полностью разрушены при сооружении протоки. Но тогда необъяснимой становится сохранность выброса при отсутствии следов насыпи, его перекрывающей, а также полное отсутствие находок костей. С другой стороны, зафиксированная материковая линза вполне может иметь современное происхождение, что вполне согласуется с многочисленными отмеченными выше следами хозяйственной деятельности человека на этом участке.

Невдалеке от места находки в обрыве берега нами был обнаружен фрагмент песчаникового абразива с проточкой (рис. 2, 2). Какого-либо иного подъемного материала встречено не было.

Ближайший к месту находки памятник археологии — поселение Красюковское I, расположенное в 1,5 км к юго-востоку на том же берегу реки Аюта. Поселение является многослойным памятником нового времени (культура населения Области Войска Донского XVIII – XIX вв.), развитого средневековья (половецкая культура предмонгольского (?) и монгольского времени, XIII – XIV вв.) и ранней бронзы (культура типа Репин хутор, третья четверть III тыс. до н.э.). Среди материалов раскопок в небольшом количестве представлены находки и других исторических периодов — средневековья (салтово-маяцкая культура Хазарского каганата,

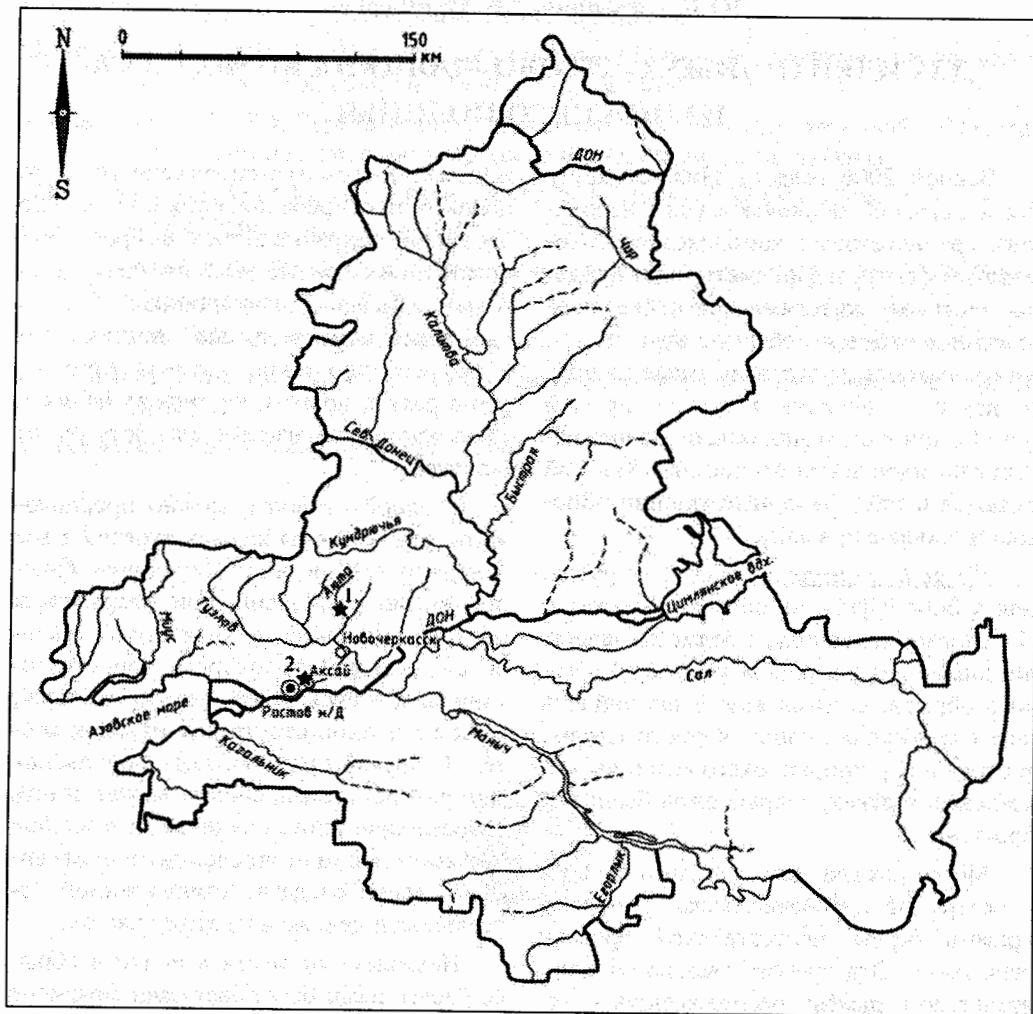

Рис. 1. Местонахождение случайно обнаруженных комплексов с ойнохоями и пряслицами на территории Ростовской области: 1 — аютинский комплекс, 2 — аксайский комплекс).

VIII – X вв.) и поздней бронзы (срубная культура, середина — вторая половина II тыс. до н.э.). Однако указанные материалы отдельных культурных слоев не составляют.

Перейдем к описанию находок, которые были сданы в Таганрогский литературный и историко-архитектурный музей-заповедник (Бездудный 2007: 93-96). В состав комплекса входили:

1. Красноглиняный гончарный кувшин-ойнохоя (рис.2, 3). Тесто плотное, с примесью белых известковых включений. Черепок оранжевый. Диаметр вен-

чика (без слива) — 7,4 см; длина слива — 3,0 см; диаметр горла — 5,6 см; диаметр тулова — 13,7 см; диаметр дна — 9,9 см; высота сосуда — 23,0 см.

Венчик высокий, отогнутый наружу. Верхний край закруглен и профилирован широкой округлой кольцевой бороздкой. Часть верхнего края сосуда оттянута наружу и сдавлена противоположными краями друг к другу, так что при виде сверху венчик имеет 8-образный вид и тем самым формирует характерный слив. Сосуд имел одну ручку, ныне утраченную. Судя по остаткам прилепов, ручка верхним

концом крепилась под нижней частью венчика, а нижним — у середины тулова. Шейка высокая, изогнутая. Плечики покатые. Тулово яйцевидное, немного асимметричное. Переход нижней части стенки в плоскость дна местами оформлен тонким приотстренным выступающим рантиком. Дно плоское, неровное, овальное в плане, чуть вогнутое, со следами срезки с гончарного круга при помощи нити и неглубокими узкими «тычками» по краям от палочки, которой поддевался сосуд, чтобы отсоединить его от круга. Деформация (вогнутость) дна произошла уже после срезки сосуда. Толщина дна немного повышается от стенок к центру.

2. Массивное округлое плоское пряслице с округлым сквозным отверстием в центре (рис.2, 1). Диаметр пряслица — 4,8 см, толщина — 1,8 см, диаметр отверстия — 1,1 см. Пряслице изготовлено из стенки крупного сосуда (пифоса?) красной глины; тесто содержит примесь красноватых минеральных частиц.

Второй комплекс. Был обнаружен при прокладке траншеи водопровода по ул. Чичерина в г. Аксае. Находчики отказались указать точное место находки, поэтому условия залегания предметов остались невыясненными. Единственным ориентиром является название улицы, судя по расположению которой, комплекс был найден достаточно далеко от берега реки Аксай, на высоком водораздельном участке его правого берега. Находки сданы в Аксайский военно-исторический музей. В состав комплекса входили:

1. Красноглиняный гончарный кувшин-ойнохоя (рис.2.5). Тесто плотное, с незначительными примесями мелкого песка и мелких белых известковых включений. Черепок оранжевый. Диаметр венчика — 7,0 см; диаметр горла — 6,0 см; диаметр тулова — 13,1 см; диаметр дна — 8,3 см; высота сосуда — 24,5 см.

Венчик высокий, отогнутый наружу, в значительной степени утрачен. Верхний край уплощен и профилирован неширокой округлой кольцевой бороздкой. Ручка

вертикальная, уплощенно-овальная в сечении, с широким неглубоким продольным желобком у края. Верхним концом крепилась к обрезу венчика и отходила горизонтально в сторону вровень с ним. В верхней части ручки, у стыка с венчиком, находится овальное пальцевое вдавление. Нижний конец ручки небрежно примазан к тулову сосуда чуть ниже плечиков. Горло невысокое, рифленое. Тулово, рифленое по всей высоте сосуда, имеет удлиненно-яйцевидную форму. Переход нижней части стенки в плоскость дна незначительно скруглен. Дно плоское, со следами срезки с гончарного круга при помощи нити и отдельными небрунными глиняными налестками.

2. Овальное плоское пряслице с округлым сквозным отверстием в центре (рис.2, 4). Размеры пряслица 6,2 × 5,5 см; толщина — 1,0 см; диаметр отверстия — 1,0 см.

Пряслице изготовлено из сланцевой плитки красновато-коричневого цвета с отдельными черными пятнами. Верхняя плоскость слегка выпуклая, зашлифована, нижняя — имеет обширное овальное углубление в центре, вокруг отверстия. Поверхность между углублением и краем изделия ровная, пришлифованная.

Обращает на себя внимание единство описанных комплексов, проявляющееся как в форме (ойнохоя) и пропорциях (яйцевидное тулово) сосудов, в составе их теста (примесь белых известковых включений) и технологических особенностях изготовления (следы срезки нитью), так и в массивности и нестандартности размеров найденных с ними пряслиц. Отсутствие ангоба на обоих сосудах также объединяет эти два комплекса, но может являться случайным результатом длительного использования. Характерной чертой является наличие пальцевого вдавления на ручке кувшина из Аксае.

Кувшины-ойнохои относятся к особой группе керамики средневекового Крыма (Якобсон 1979: 62). В материалах Херсонеса они выделяются в группу кув-

шинов I типа столовой посуды (Седикова 1995: 172). По месту массовых находок их зачастую именуют кувшинами «скалистинского» (Веймарн, Айбабин 1993: 190), или же «баклинского» типа (Аксенов, Михеев 1998: 345). На степных и лесостепных салтово-маяцких памятниках такие кувшины были выделены в четвертый вариант столовой керамики (тип А, вид 4) (Плетнева 1967: 116) и в тип Е ангобированной керамики средневекового слоя Таманского городища (Плетнева 1963: 37).

Находки кувшинов-ойнохой часты на сельских поселениях и могильниках VII–IX вв. юго-западного Крыма (Якобсон 1979). Как уже отмечалось выше, наиболее многочисленные находки были сделаны в Скалистинском могильнике (Веймарн, Айбабин 1993) и на Баклинском городище (Талис 1982). В Херсонесе же, за исключением комплекса 1987 г. из засыпки водохранилища к юго-востоку от портового района, они достаточно редки (Романчук, Седикова 1991: 40). Немногочисленны кувшины подобного рода и на салтово-маяцких памятниках. Их фрагменты встречены в средневековых слоях Фанагории (Плетнева 1967: 116), Таматархи (Плетнева 1963: 37, рис.22, 8) и Танаиса (Нидзельницкая 2002: 331, рис.3; Нидзельницкая, Ильяшенко 2007: 198, рис.7), а также на поселении Клиновое I под Аксаем (Ларенок 2002: 248). Три целых сосуда происходят из Дмитриевского катакомбного могильника (Плетнева 1989: 144, рис.72, 74-75); по два целых — из Саркела (Плетнева 1959: 214, рис.1.8-9) и Салтова (Плетнева 1967: 116); по одному — из Правобережного Цимлянского городища (Плетнева 2000: рис.87) и грунтовых некрополей Танаиса (Ларенок 2001: 73, таб.4, 26) и Крымского городища (Савченко 1986: 82, рис.3, 9). Массовые же находки крымских кувшинов-ойнохой на салтовских памятниках связаны с двумя могильниками в верховьях Северского Донца — Красная Горка и Червоная Гусаровка, где в общей сложности было обнаружено 36 подобных сосудов (Аксенов

1997: 3; Аксенов, Михеев 1998: 344). В небольшом количестве известны они и из раскопок курганных могильников на реке Воронеж (Винников 1985: 121, рис.4, 3-4), где такие кувшины расцениваются как проявление контактов славянского населения региона с носителями салтовской культуры.

Как видно из приведенного перечня, кувшины-ойнохой имеют довольно широкий ареал распространения, но рассредоточены по нему в единичных экземплярах. Наиболее массовые находки связаны с двумя крымскими памятниками — Скалистым и Баклой, причем для последнего устанавливается местное производство рассматриваемого типа керамики (Талис 1982: 64). В качестве альтернативного центра производства этих сосудов выдвигается и Херсонес (Романчук, Седикова 1991: 40; Седикова 1995: 173). За пределами Крыма в значительном количестве кувшины-ойнохой встречены лишь в двух могильниках верховой Северского Донца — Красногоровском и Червоногусаровском, что объясняется исключительными связями населения, оставившего эти памятники, с крымскими центрами (Аксенов 1997: 4).

Крымские памятники, для которых характерны кувшины-ойнохой, датируются в интервале второй половины VII – IX вв. (Веймарн, Айбабин 1993: 191; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1995: 176; Талис 1982: 64; Якобсон 1979: 62). При этом наиболее раннюю дату (VII в.) дает лишь Скалистинский могильник, кувшины которого отличаются отсутствием пальцевого вдавления в верхней части ручки. Все остальные комплексы относятся к VIII – IX вв. В Саркеле кувшины-ойнохой были найдены в первом (нижнем) пласте культурных отложений, который относится к периоду IX – X вв. (Плетнева 1959: 266). В Дмитриевском могильнике ойнохой присутствовали в катакомбах каждой из трех хронологических групп (Плетнева 1989: таб.23), то есть они использовались на протяжении всего времени функционирования памятника — с середины VIII

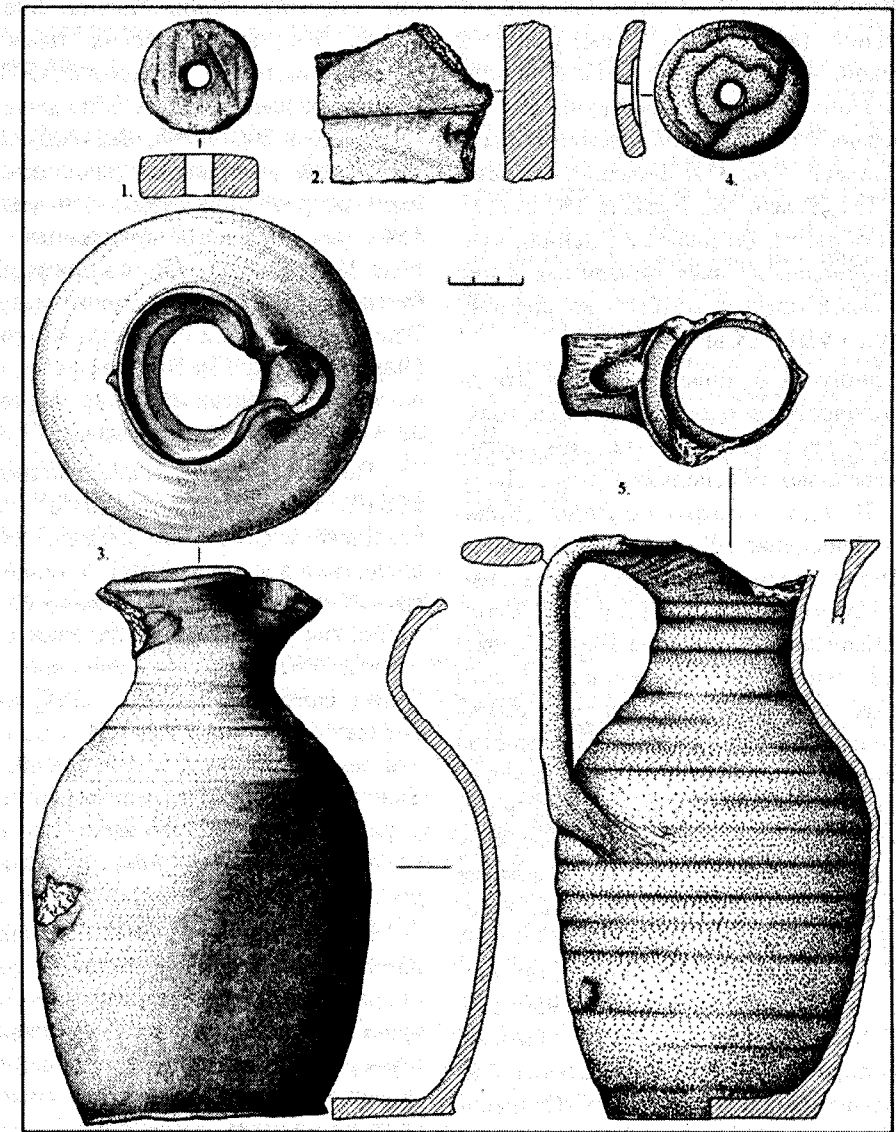

Рис. 2. Комплексы аютинский (1-3) и аксайский (4-5):

1 — пряслице из стенки пифоса (?), 2 — фрагмент песчаникового абразива, 3,5 — ойнохой, 4 — сланцевое пряслице.

до конца IX – первого десятилетия X вв. (Плетнева 1989: 268, 283). Погребения с крымской керамикой Красногоровского и Червоногусаровского могильников датируются в рамках VIII – первой половины IX вв. (Аксенов 1997: 4; Аксенов, Михеев 1998: 350; Белик, Брехач 2001: 101); погребение с ойнохой танаисского грунтового некрополя — серединой VIII – IX вв. (Ларенок 2001: 76). Более ранняя датировка

комплекса средневековых находок (среди них и ойнохой) из западного пригорода Танаиса, — конец VI – начало VIII вв. (Нидзельницкая 2002: 337) или VII – первая половина VIII вв. (Нидзельницкая, Ильяшенко 2007: 202), — кажется недостаточно обоснованной. На материалах Баклинского городища, Скалистинского, Красногоровского и Червоногусаровского могильников исследователями было подмечено, что са-

мыми ранними (VII в.) являются ойнохой небольших (высотой до 17 см) размеров (Веймарн, Айбабин 1993: 191). Кувшины же больших размеров характерны для более позднего (VIII–IX вв.) времени (Аксенов, Михеев 1998: 352; Веймарн, Айбабин 1993: 191; Романчук, Рудаков 1975: 217). Таким образом, по нашему мнению, кувшины-ойнохой из двух описанных выше комплексов следует отнести ко времени середины VIII–IX вв.

Разного рода пряслица в значительном количестве встречены как на салтовомаяцких, так и на синхронных им других средневековых поселениях Крыма (Якобсон 1970 и др.), Северского Донца (Кравченко, Давыденко 2001: 246–247; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко 2005; Пархоменко 1985: 93 и др.), Верхнего (Ефименко, Третьяков 1948: 51, 96 и др.) и Нижнего Дона (Ларенок 2002: 248; Левенок 1959: 340 и др.) и других смежных регионов. Диаметры большинства найденных на этих поселениях пряслиц довольно стандартны и колеблются в интервале от 3 до 5 см (Ефименко, Третьяков 1948: 51, 96; Левенок 1959: 340; Плетнева 1967: 153). Массивные пряслица, изготовленные из стенок сосудов или из камня, редки. В небольшом количестве они встречены в Саркеле (Левенок 1959: таб. I, 5, 15, VI, 6, 13), Танаисе (Нидзельницкая, Ильяшенко 2007: 201–202, рис. 6.10), Сидоровском городище на Донце (Кравченко, Давыденко 2001: рис. 13.5) и на поселении близ с. Поляны в Крыму (Якобсон 1970: рис. 60.1, 7).

В погребения салтово-маяцкой культуры пряслица помещали нечасто (Плетнева 1967: 153). Так, например, из 170 погребений Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: 173) происходит всего 9 пряслиц (Плетнева 1989: 93). На Крымском могильнике на 141 погребение приходится единственное пряслице (Савченко 1986: 89), а в Красногоровском и Червоногусаровском могильниках их вовсе нет (Аксенов, Михеев 1998: рис. 3–4).

Случай совместного нахождения

пряслиц и кувшинов-ойнохой еще более редки. На поселенческих памятниках — это помещение 14 раскопа XXIII в западном районе Танаиса (Нидзельницкая, Ильяшенко 2007: 198, 201–202). В погребальных комплексах такое сочетание было встречено дважды — в катакомбе 154 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: рис. 47, 75) и в погребении 5 (раскопки 1981 г.) грунтового некрополя Танаиса, где было найдено 4 пряслица (Ларенок 2001: 73). Причем в обоих танаисских комплексах ойнохой сопровождалась массивными пряслицами.

Таким образом, единственной наиболее близкой аналогией описанным комплексам случайных находок является средневековое погребение 5 танаисского грунтового некрополя. Исходя из этого, аксайские и аютинские находки следует считать остатками разрушенных погребений салтово-маяцкой культуры и датировать их серединой VIII–IX вв. Все эти три комплекса (то есть Аксай, Аюта, Танаис — погр. 5), возможно, фиксируют определенную разновидность салтовского погребального обряда, носители которой были связаны с Крымом.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на возможность еще одной, не погребальной, а хозяйственно-бытовой трактовки обнаруженных комплексов. В пользу такой интерпретации свидетельствует нечастое присутствие пряслиц в салтово-маяцких погребениях, еще более редкая их встречаемость там с ойнохой и нестандартные размеры пряслиц. Как нам кажется, сочетание массивных пряслиц и кувшинов с расширенной горловиной является неслучайным. Описанные пряслица из обоих комплексов по диаметру вполне уместаются в горловине найденных с ними ойнохой, узкое горло которых не позволяло им проваливаться глубже. Таким образом, «пряслица» в этих комплексах являлись крышками сосудов, но не просто накрывали их, а более или менее плотно запечатывали их устья. При этом отверстие в центре «пряслица» служило для доступа воздуха внутрь сосуда.

Такая конструкция могла использоваться для приготовления каких-либо напитков путем брожения.

Это предположение можно проиллюстрировать рецептом изготовления так называемой медовой сыты из византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в.: «Возьми старой дождевой воды или другой, уваренной на одну треть, положи в нее достаточное количество меда и влей эту смесь в сосуд; поставь его в тени на десять дней, оставив отверстие для прохода воздуха. Потом пей» (Геопоники VIII, 28, 1). Условия аютинской находки вполне согласуются с этим рецептом. Закрытый пряслицем кувшин-ойнохой был закопан в землю (прохладное место, «в

тени») на месте временной («на десять дней») стоянки кочевников на берегу небольшой степной речушки, но по какой-то причине не был оттуда извлечен по истечении положенного срока. Кратковременность пребывания человека на этом месте и помещение целого сосуда в землю и способствовали его дальнейшей сохранности. Аналогичная ситуация могла иметь место и на территории современного города Аксая.

При такой трактовке описанных находок становится понятным отсутствие при них иных археологических материалов как погребального, так и поселенческого характера.

Аксенов В.С. 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховьев Северского Донца // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* (Вопросы хронологии). Самара.

Аксенов В.С., Михеев В.К. 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* (Вопросы хронологии). Самара.

Бездудный В.Г. 2007. Отчет об археологических раскопках поселения «Красюковское I» в Октябрьском районе Ростовской области. Ростов-на-Дону // *Архив Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника.*

Белик А.А., Брехач М.Г. 2001. Относительная хронология Красногоровского могильника салтовской культуры // *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаяевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа.* Ставрополь.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. К.

Винников А.З. 1985. Этнический состав населения на р. Воронеж в конце I тыс. н.э. // *Археологические памятники на европейской территории СССР.* Воронеж.

Геопоники. 2006. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. О растениях. Трактат Альберта Великого. Рязань.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону // *МИА. №8.*

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. 2001. Сидоровское городище // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.*

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. 2005. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк.*

Ларенок П.А. 2001. Средневековые погребения западного участка грунтового некрополя Танаиса // *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. М.*

Ларенок П.А. 2002. Салтово-маяцкие памятники балки Клиновой // *Аксайские древности. Ростов-на-Дону.*

Левенок В.П. 1959. Пряслица городища Саркел – Белая Вежа // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. №75. М.–Л.*

- Нидельницкая Л.Ю.** 2002. Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып.18. Азов.
- Нидельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М.** 2007. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. М.
- Пархоменко О.В.** 1985. Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. К.
- Плетнева С.А.** 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. №75. М.–Л.
- Плетнева С.А.** 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Плетнева С.А.** 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. №142.
- Плетнева С.А.** 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А.** 2000. Очерки хазарской археологии. М.
- Романчук А.И., Рудаков В.Е.** 1975. Керамический комплекс IX – X веков Баклинского городища // СА. №2.
- Романчук А.И., Седикова Л.В.** 1991. «Темные века» и Херсонес: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. К.
- Савченко Е.И.** 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.
- Седикова Л.В.** 1995. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. №2.
- Талис Д.Л.** 1982. керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV – IX вв. // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М.
- Якобсон А.Л.** 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. №168.
- Якобсон А.Л.** 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

SUMMARY

The article is devoted to materials of two complexes of casual finds of saltovo-majatskaja culture from the Bottom Don area. These complexes have been found out in the spring of 2006 during the building excavations in two enough removed from each other points in the territory of Rostov region. Each complex consists of a wheel-thrown oinochoe jar and a massive weaving weight. The finds are dated within the limits of the middle of the 8th - 9th centuries. There are two variants of interpretation of these complexes. In the first case, the complexes are treated as a display of a certain version of Saltovo burial ceremony, which carriers have been connected with Crimea. The second variant of explanation is connected with economic-household treatment of these complexes. In this case, it is a question of a design from a jug, corked by weaving weight, which could be used for preparation of some drinks by fermentation. The possibility of such assumption is illustrated by the recipe of a honey drink from the Byzantine agricultural encyclopaedia of the 10th century.

НОВЫЕ НАХОДКИ НЮРНБЕРГСКИХ ЖЕТОНОВ В БЕЛГОРОДЕ-ДНЕСТРОВСКОМ

Счетные жетоны (reckoning counters, jetons или rechenpfennige) предназначались для счета на европейском эквиваленте абака. Их выкладывали на линии, нанесенные на доску, стол или сукно. Счет на линиях не был изобретением средневековья. Вероятно, абак появился еще в Древнем Вавилоне. Само слово «абак» имеет древнегреческое происхождение. В Древней Греции вычисления с его помощью известны с IV века до н.э. В 1846 году на острове Саламин был найден абак, представляющий собой мраморную плиту размером 105 × 75 см.

В средневековой Европе до XV века, когда употребление арабских цифр еще не стало общепринятым, все расчеты производились с помощью римских. Для облегчения сложных подсчетов и стали использовать счетные доски. Существовавшие тогда способы использования счетных жетонов описаны Ф.Б. Барнардом (Barnard 1916: 255-319). Наиболее простым способом вычислений был следующий. На абак были нанесены параллельные горизонтальные линии, разделенные вертикальной чертой на две части, чтобы одновременно можно было производить два действия. На этих линиях жетоны выкладывались следующим образом: первая линия была предназначена для единиц, следующая для десятков, затем шли линии для сотен, для тысяч. Счетный жетон между линиями обозначал половину числа, которому соответствовала, проходящая над ним линия. Для промежутка между первой и второй линией — это 5, между второй и третьей — 50 и т.д.

В период раннего средневековья счетом на абак, вероятнее всего, пользовались только в монастырях, позднее их начинают применять и вне их стен. Первые свидетельства применения в Европе счета на абак связывают с появлением

во Франции в XIII веке металлических кружков, получивших название жетонов от французского слова «jeter» (Menninger, Broneer 1992: 331-332). Обычно эти монетовидные кружки изготавливались из меди или латуни, но известны и редкие экземпляры из золота и серебра. Счетный набор насчитывал 100 экземпляров, для хранения которых существовали специальные футляры цилиндрической формы. Появившись во Франции, жетоны очень быстро распространились по всей Европе. И именно из Франции распространилась мода украшать их изображениями, которые часто соответствовали типу современных им монет, легенды же вначале часто не имели никакого смысла (Mittag 1998: 165). Хотя к началу XVII века древний наглядный способ счета сменился счетом на письме посредством арифметических действий с цифрами, жетоны не теряют своей популярности и приобретают новые функции. Их продолжали изготавливать для использования в меновой торговле, для игры в карты.

В период позднего средневековья мастерские нескольких европейских городов стали специализироваться на производстве данной продукции. В их число вошли и некоторые немецкие города, в том числе и Нюрнберг. К началу XVI века город становится своего рода монополистом в данной области. Это во многом было обусловлено близостью к медным рудникам Центральной Европы и высоким мастерством нюрнбергских «жестянщиков». Для чеканки жетонов здесь использовали меньшее количество металла, чем в других европейских городах, в результате чего они были тоньше.

Начало чеканки счетных пфеннигов в Нюрнберге возникает около 1400 года, но о мастерских раннего периода известно немного. До середины XVI века надпись